

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

IV

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ПЕРЕДНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

О ГЕТЕРОГРАФИИ И ЕЕ МЕСТЕ
В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПИСЬМА
(Месопотамия и Иран)

Лингвист, филолог, палеографист, историк, занимающийся памятниками письменности и языками древней и ранне-средневековой Передней Азии, Ирана, Средней Азии и сопредельных регионов, в наше время должен прежде всего прибегать к работам В.А.Лившица¹. Сейчас никто в мире лучше его не понимает ираноязычные гетерографические письменности. Мне, многолетнему его сотруднику и другу,

¹ Отметим лишь важнейшие: *Лившиц В.А., Дьяконов И.М.* Документы из Нисы I в. до н.э. М., 1960; *они же.* Из материалов парфянской канцелярии "Старой Нисы". — Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь И.А.Орбели. М.-Л., 1960; *Лившиц В.А.* Согдийские документы с горы Муг. II. М., 1962; *он же.* Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-калы. — Советская этнография. 1964, 2, с.51—57; *Лившиц В.А., Дьяконов И.М.* Новые находки документов в Старой Нисе. — Переднеазиатский сборник. II. М., 1966, с.133—158; *Лившиц В.А. и Гудкова А.В.* Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема "хорезмийской эры". — Вестник Каракалпакского ФАН УзбССР. Нукус, 1967, 1 (27), с.3—19; *Лившиц В.А.* Suġano-Indica. — Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с.161—171; *он же.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. — Буддийская пещера Кара-тепе. М., 1969, с.47—81; *Livshits V.A.* A Sogdian Alphabet from Panjikant. — W.B.Henning Memorial Volume. L., 1970, с.256—263; *он же.* New Parthian Documents from South Turkmenistan. — Acta antiqua Academiae sc. Hungaricae. Budapest, 1977, XXV, 1—4, с.10 и сл.; *Лившиц В.А.* Надписи из Дильберджина. — Древняя Бактрия. М., 1976; *Лившиц В.А., Шифман И.Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки. — ВДИ. 1977, 2, с.7 и сл.; *Лившиц В.А.* Нововавилонское 𐎧𐎠𐎫𐎢𐎡𐎴. — ВДИ. 1979, 4, с.95 и сл.; *он же.* Трилингва из Ксанфа и надписи Артаксия. — VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку. Тезисы докладов. М., 1979, с.55 и сл.; *Diakonoff I.M. and Livshits V.A.* Parthian Economic Documents from Nisa. I — L., 1977 — ...

хотелось бы в эту нелегкую область привнести свои соображения, с которыми он либо согласится, либо нет.

Иранистам и семитологам всегда было трудно понять, каким образом могла возникнуть столь замысловатая система письменности как гетерография, то есть такая система, где целые слова, выражения и даже предложения могут писаться на языке А, а произноситься на языке В. Арамейские гетерограммы в иранских письменностях казались загадочными, и всегда представлялось неясным, в какой момент писцы перестали воспринимать свою письменность как арамейскую и начали рассматривать гетерограммы как особые изошренные написания иранских слов, как в английском viz. = namely — "а именно", i.e. = "that is" — "то есть", e.g. = for example "например", etc. = and so on "и так далее"².

Однако арамейско-иранская система письменности не уникальна в истории грамматики, ср. аккадскую письменность с ее шумерограммами, японскую и корейскую письменности с их китайскими логограммами.

Особенно интересен наиболее древний случай гетерографии — аккадская письменность. Для иранистов она имеет значение не только как параллель: еще Э.Эбелинг³ показал, что эта система оказала определенное влияние на арамейско-иранскую гетерографию. Это влияние могло сказаться после парфянского завоевания Вавилонии при Митридатe I в 141 г. до н.э., но не исключено, что оно имело место значительно раньше.

Рисуночное письмо древнейшего Шумера, которое к середине III тысячелетия до н.э. превратилось в общеизвестную и хорошо понятную клинописную систему письменности, по-видимому, было изобретено около начала того же тысячелетия шумерами и для шумерского языка. Мне уже неоднократно приходилось указывать на то обстоятельство, что в первобытности и ранней древности, при недостаточной выработанности средств логического дедуктивного абстрагирования, необходимого для всякого мышления, обобщение достигалось через троп — метонимическую или метафорическую ассоциацию⁴. Давно известно, что таким образом соз-

² Эти написания были созданы, конечно, двуязычными и трехязычными писцами (одинаково легко писавшими и читавшими по-латыни, по-среднеанглийски и по-старофранцузски); как все гетерограммы, они были созданы для облегчения труда писца и представляли собой аббревиатуры стандартных выражений, имевших стандартный устный перевод на английский и французский. Заметим, однако, что гетерограммы, напр., etc. по сию пору внутри читаемого по-английски или по-французски текста сплошь и рядом сохраняют свое чтение на языке А, т.е. etcetera.

³ Ebeling E. Das aramäisch-mittelpersische Glossar Frahang-i-Pahlavik im Lichte der assyriologischen Forschung. — MAOG XIV, 1. Lpz., 1941.

⁴ Дьяконов И.М. Введение. — Мифологии древнего мира. М., 1977, с.8 и сл.; Diakonoff I.M. Some reflections on numerals in Sumerian. — Festschrift S.N.Kramer, JAOS. 103,1, с.83–93.

давался миф, но еще не обращено достаточно внимания на то обстоятельство, что и обобщения, необходимые в практической жизни и деятельности древнего человека, также по необходимости достигались метонимическим путем. Только таким путем могло быть создано и первое письмо как новая знаковая система, имеющая целью передавать информацию не непосредственно, а через время и пространство. Поэтому сначала шумерское письмо складывалось как чисто мнемоническое, где каждый знак-рисунок мог означать слово, денотирующее либо изображенный предмет, либо любое другое слово, выражающее понятие, ассоциативно-метонимически связанное с изображением предмета⁵. Поле ассоциаций данного знака было ограничено только полем ассоциаций какого-либо другого знака⁶. Ассоциации могли возникнуть по смежности, по взаимоотношению "предмет : его действие" и по другим метонимическим связям, в том числе и по звуковой (омофонической) ассоциации. "Фонетический принцип" И.Е.Гельба⁷ следует рассматривать не как особое, самостоятельное изобретение, а как один из видов естественных метонимических ассоциаций. Но именно этот тип ассоциаций позволил употреблять знаки в ребусном значении, что дало возможность ввести в письменную информацию служебные слова и морфемы, иноязычные имена собственные⁸ и прочее. При этом шумерские писцы, пока их язык был живым, не давали большого значения точному воспроизведению потока речи, включая систему фонологии и морфологии: на письме воспроизводилось ровно столько информации, сколько было нужно читателю административно-хозяйственного или даже более сложного текста для того, чтобы быть в состоянии и дальше передать в устной форме содержание (но не саму устную форму) переданной ему информации; недостающие элементы речи он восполнял по смыслу.

По какой причине шумерским письмом начали пользоваться аккадцы? Очевидно, просто потому, что, хотя они и жили вперемешку с шумерами, они, в отличие от последних, собственной письменности не изобрели. Однако идеографи-

⁵ *Diakonoff I.M. Ancient Writing and Ancient Written Language. — Sumerological Studies in Honor of Th.Jacobsen. AS, 20, Chicago, 1975, с.110.*

⁶ Так, знак НОГА не означал слова "нога, ступня", потому что для него имелся другой знак — СТУПНЯ (suhus).

⁷ *Гельб И.Е. Опыт изучения письма (Основы грамматики). М., 1982.*

⁸ Шумерские имена собственные не вызывали больших затруднений. Во-первых, они представляли собой развернутые шумерские предложения, которые писались по правилам написания любого шумерского текста. Во-вторых, в наиболее архаических хозяйственных текстах получатель или сдатчик продукта, по-видимому, большей частью обозначался не по имени, а по званию или профессии.

ческая⁹ система письма в принципе не передает какого-либо одного определенного языка; она имеет прежде всего мнемонический характер, и ее знаки связаны с понятиями как таковыми, а не с их соответствиями в виде совершенно определенно звучащих отрезков речевого потока. Каков был действительный родной язык писцов, выявляется из реbusных написаний — например, знак НОГА передает последовательность фонем *du* для выражения суффикса -и после лубой основы, оканчивающейся на -d- (явление фонетического комплемента), — по той причине, что среди различных слов для "хождения" данный знак передает и глагольную основу [*du*]. Частично же язык, на котором читается текст, явствует из синтаксиса, хотя ранние писцы мало придавали значения правильной передаче порядка слов в предложении живого языка. В принципе любой текст, написанный шумерскими идеографическими знаками, можно было прочесть и по-аккадски (или по-эблаитски); иногда он так и читался, что выявляется опять-таки из фонетических комплементов, если они встречаются в тексте. Так, знак ЖЕНЩИНА+СКАМЬЯ означал "жена", по-шумерски [*dam*], по-аккадски [*attatum*]. Но одно единственное почвление комбинации ЖЕНЩИНА+СКАМЬЯ-КОЖА вместо ЖЕНЩИНА+СКАМЬЯ-СОСУД (для масла) сразу выдает нам, что текст надо читать по-аккадски: поскольку одно из чтений для КОЖИ — [*su*], а одно из чтений для СОСУДА (ДЛЯ МАСЛА) — [*ni*], постольку первое сочетание надо читать "его жена" [*attat-su*] по-аккадски, а второе — "его жена" [*dam-an*] по-шумерски. Или же староаккадское прочтение текста может потребоваться из-за явно семитского, а не шумерского порядка слов, либо из-за употребления союзов, нормально чуждых шумерскому языку.

Как при шумерских, так и при аккадских царях, вплоть до последней трети XVIII в. до н.э., было более обычным писать по-шумерски. Писать по-аккадски было легче, потому что можно было сплошь писать "силлабическими" (реbusными) знаками, применяя лишь наиболее ходовые логограммы, чтобы экономить место на маленькой и тяжелой глиняной плитке, но престиж требовал писать по-шумерски. Чаще, чем другие тексты, силлабическими знаками в их аккадском употреблении писались письма, но иной раз и письма составлялись по-шумерски, не говоря уже об админист-

⁹ И.Е.Гельб возражает против терминов "идеограмма, идеографическая письменность", считая, что знаки передавали, как-никак, не понятия, а слова. Но дело в том, что знак передавал не обязательно одно какое-то слово, а любое слово из данного круга ассоциаций, хотя в каждом данном контексте имелось в виду, конечно, одно какое-то конкретное слово. Собственно логография (письмо отдельными словами) возникает, по-существу, уже только тогда, когда знак становится гетерограммой в пределах стандартного перевода знаков языка А на язык В; но и здесь в аккадском нередка полисемия некоторых логограмм-гетерограмм.

ративно-хозяйственных, юридических и литературных текстах, которые все, за малыми исключениями, писались шумерски. Это в целом верно даже в отношении последнего "шумерского" царства III династии Ура в конце III тыс. до н.э. (впрочем, из пяти царей этой династии только первые двое носили шумерские имена). К этому времени шумерский, безусловно, стал мертвым языком; многие исследователи считают, что он вымер гораздо раньше.

Благодаря С.Н. Крамеру¹⁰, Бенно Ландсбергеру¹¹ и их ученикам и последователям¹² мы много знаем о шумерской школе (é-d ub-[b]a) старовавилонского периода вплоть до 1732 г. до н.э. Мы знаем состав предметов, которые проходили в школе, и требования, предъявлявшиеся на экзамене. Эти требования были внушительными и включали, в числе прочего, знание устного и письменного шумерского, перевод с шумерского на аккадский и наоборот, и т.п. Лишь математику, по неясной нам причине, преподавали по-аккадски, хотя и она являлась продолжением традиции шумерских умственных достижений¹³. Большинство сколько-нибудь настоятельных вавилонян посылали в школу своих сыновей, а иногда и дочерей. Старший пастух, имевший четыре или пять подпасков, умел отчитываться за порученный ему скот в письменной форме¹⁴; конечно, это не значит, что он мог составить юридический документ или скопировать религиозный текст.

Все преподавание базировалось на выучивании наизусть различных списков типа позднейших иранских "фрахангов": существовали сотни таблиц, перечислявших в шумерском написании всевозможного рода предметы — утварь, орудия, растения, юридические термины, типичные имена собственные и всякую всячину. Учителя следили за тем, чтобы их ученики твердо зазубривали такие списки: так, имя собственное, занесенное в школьные перечни, почти никогда не писалось с орфографическими ошибками, хотя это очень часто случалось с редкими, необычными или иноязычными именами. Нет никакого сомнения в том, что писцы отлично понимали смысл выполняемого ими действия, когда они включали шумерскую гетерограмму в аккадский текст. Окон-

¹⁰ *Kramer S.N. Schooldays. — JAOS. 1949, 69, 4, с.199—215; он же. History Begins at Sumer. N.Y., 1959, с.13—16; Gordon E. A New Look on the Wisdom of Sumer and Akkad. — BiOr. 1960, XVII 3/4, с.112—144; Канева И.Т. Новая табличка с отрывком из шумерской поэмы. — ВДИ. 1966, 2, с.68 и сл.*

¹¹ *Landsberger B. Scribal Concepts of Education. — City Invin-cible. Chicago, 1960, с.94 и сл.*

¹² См., например: *Sjöberg A. Der Examentext A. — ZA NF. 69, 2 (1972), с.10.*

¹³ См. подробно: *Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика. М., 1969.*

¹⁴ См., например: *Ur Excavations Texts V, № 826 и мн. др.*

чивший курс учения получал почетное звание "писца" (*dub-šar, ṭuršarru*), но хороший писец, который знал шумерский активно, то есть мог писать, а может быть, и говорить на нем, назывался "шумерским писцом" или попросту "шумером", в то время как тот, кто не далеко продвинулся за пределы сотен трех силлабических и лишь самых ходовых гетерографических знаков, назывался "хурритским писцом" (т.е. как бы "горцем", "деревенщиной"). Однако же, судя по их именам, с начала II тыс. до н.э. все эти писцы были аккадцами (вавилонянами), с той оговоркой, что некоторые из учеников, вероятно предназначенные родителями для жреческой карьеры, носили шумерские имена, иной раз весьма странные. Во всяком случае, можно считать, что в каждой семье не более чем один-два сына (старшие) носили шумерские имена.

Примерно к 1800 г. до н.э. большинство писцов стало выписывать в документах (нередко с грубыми ошибками) лишь самые распространенные шумерские административные и юридические формулы, и всякий раз, когда они не помнили шумерского эквивалента, они выписывали менее стандартные части документа, а иногда и весь его текст по-аккадски. Все чаще они употребляли фонетические комплексы, например *KI^tim* "земля", что, по идее, означало аккадское *eršetim* "земли" в родительном падеже, но употреблялось просто, чтобы отличить знак *KI* в значении "земля" от других разнообразных чтений этого знака. Вряд ли можно сомневаться в том, что эти "шумерские" писцы читали юридические и хозяйственные тексты (но не чисто шумерские религиозные и литературные памятники) целиком по-аккадски. Однако изредка случалось¹⁵, что писец выписывал чисто шумерскую стандартную писцовую формулу слоговыми знаками, предназначаемыми только для аккадского текста, — вероятно, это происходило в результате диктовки; другими словами, это значит, что такой текст мог диктоваться по-аккадски, но без перевода шумерских стандартных гетерографических формул, и писец записал все подряд, как слышал, аккадскими силлабическими знаками. То есть в своей среде писцы могли произносить текст в виде смешанной шумеро-аккадской тарабарщины!

Озабоченные сложившейся ситуацией, некоторые писцы, представлявшие старые шумерские писцовые традиции, попытались принять меры для исправления положения. Был составлен специальный учебник, называемый "*Ana ittišu*", который содержал наряду с парадигмами правильного шумерского словоизменения и обычными стандартными формулами также и нестандартные обороты и фразы, которые могли бы встретиться в писцовой практике; такие фразы даже соединялись в небольшие занимательные рассказы.

¹⁵

См., например: *Diakonoff I.M. A Cuneiform Charter from Western Iran. — Festschrift Lubor Matouš. Budapest, 1978, c.62.*

Весь учебник написан в два столбца, по-шумерски и с аккадским переводом. Но было уже поздно; этой книгой мало пользовались, и она дошла до нас лишь случайно¹⁶.

Такая светская по своему характеру школа дожила до великого восстания Южной Вавилонии в 1732 г., когда были разрушены ее главнейшие города, а с ними и школы. Отныне будущие писцы изучали клинопись у частных учителей, по-видимому, главным образом у заклинателей, которые не были связаны с каким-либо храмом или с государственной канцелярией; тем более что к этому времени большие царские имения приходят в упадок и доходы начинают поступать государству в основном не из собственных хозяйств, а путем всеобщего сбора налогов.

Нужно, пожалуй, подчеркнуть, что существование системы гетерографической передачи всего или части текста, читаемого на совсем другом языке, поддерживало мнемонический подход к письму, сохраняя его как знаковую систему, хотя в общем и предназначенную для передачи другой знаковой системы — языка, но не стремящейся к передаче знак в знак каждого элемента языковой знаковой системы в элементах письменной знаковой системы.

Мне кажется, во многом сходными с тем, что мы изложили выше, были процессы, происходившие в Иране середины I тысячелетия до н.э., когда ранее не имевшим письменности мидянам и персам понадобилась система государственной администрации с письменной фиксацией отчетности. Ясно, что для этого потребовались прежде всего кадры иноязычных писцов, владевших необходимой письменной административной техникой. Другим выходом, конечно, могло быть изобретение новой письменности для собственного языка, однако как само изобретение, так и подбор и обучение кадров требовали времени, задача же была насущной и требовала срочного решения.

В свое время¹⁷ я составил таблицу всех грамматологических особенностей так называемой "древнеперсидской" клинописи в поисках типологических аналогий в письменностях, существование которых мидянам и персам должно было быть известно и опыт которых мог быть использован при изобретении ими собственного письма. Нашлись аналогии с аккадским (ассиро-вавилонским), с арамейским и — что особенно существенно — важные специфические совпадения с особенностями урартского письма, причем не только в чисто грамматологическом плане, но и в композиционном — а именно в формульном построении царских надписей. Напро-

¹⁶ Дьяконов И.М. Вавилонская филология (III-I тысячелетия до н.э.). — История лингвистических учений. Древний мир. М., 1980, с.17-37.

¹⁷ Diakonoff I.M. The Origin of the "Old Persian" Writing System. — W.B.Henning Memorial Volume, L., /б.г./, с.38 и сл.

тив, никаких аналогий не нашлось со специфическими особенностями эламской письменности.

После разделения Ассирийской державы в 615–605 гг. до н.э. южная граница мидийской зоны влияния прошла к югу от городов коренной Ассирии (Ниневии, Арбелы, Ашшура), к югу от Харрана в Северной Месопотамии и, по-видимому, пересекла Евфрат где-то около Каркемиша. Урарту, где самостоятельная традиция письменности задержалась до начала VI в. до н.э., отошло в мидийскую зону, Ассирия, где к VII в. до н.э. уже активно действовали арамейские канцелярии, отошла также к Мидии. К ней отошла и "Сиро-мидия" — западноиранские районы, заселенные при ассирийской власти арамейскими колонистами¹⁸. Соприкосновение мидян с ассирийской, арамейской и урартской письменными традициями действительно и проявляется в письме, созданном для древнеиранского языка. Напротив, персы никогда не сталкивались с урартской письменностью, и она не могла бы оказать никакого влияния на древнеиранскую письменность, если бы та складывалась в Персиде — государстве, сложившемся на территории древнего эламского Аншана, сохранявшего частично эламское население. Здесь еще в V в. сохранялись эламские культы, почитаемые не ниже собственно иранских, и, конечно, должна была сохраняться сильная эламская писцовая традиция. Заметим, что нет никаких данных о наличии в Эламе или Аншане ранней арамейской канцелярии.

Все это, с моей точки зрения, может означать только одно — что древнеиранская клинопись (которую сами персы называли отнюдь не "персидской", а "арийской", т.е. иранской вообще) могла быть изобретена только в Мидии, притом не позже начала VI в. до н.э.; изобретение этой письменности Дарием I — несомненный миф. Сейчас уже трудно сомневаться в том, что "подмена" Бардии, сына Кира и наследника Камбиза, "магом Гаумагой" — пропагандистская легенда¹⁹; поэтому мы знаем, что Дарий был лжецом, нагло хваставшим своей "правдивостью", и кровожадным убийцей; я думаю при этом не столько об убийстве Бардии, сколько о свирепом истреблении Дариева соратника Виндафарны со всей его семьей. Изобретатель новой письменности должен был бы быть знаком по крайней мере с тремя письменностями — урартской, аккадской и арамейской и иметь незаурядные филологические и вообще научные способности; Дарий же, по собственному утверждению, не умел сам прочесть якобы им самим продиктованной надписи²⁰, и был поэтому вполне неграмотным.

¹⁸ Дьяконов И.М. История Мидии. М.—Л., 1956, с.199, 226, 339.

¹⁹ Dandamaev M.A. Persien unter den ersten Achämeniden. Wiesbaden, 1976, с.108–127; Bückerman E.J. and Tadmor H. Darius I, Pseudo-Smerdis, and the Magi. — Athaenaeum. NS XVI, 3/4, 1978, с.239 и сл.

²⁰ См. §70 Висутунской надписи (эламский текст), процитированный ниже.

Мидийский диалект западноиранского был не настолько далек от персидского, чтобы новоизобретенную мидийскую письменность нельзя было применить и для надписей персидских царей; в этих надписях содержатся несомненные мидизмы — я имею при этом в виду не столько фонетику, которая в них, в общем, видимо, персидская, и не отдельные черты морфологии, но прежде всего лексику. Мне уже приходилось указывать на тот факт, что в эламской версии персидских царских надписей для перевода отдельных иранских слов использованы также иранизмы, но не те, которые употреблены в иранской версии, зато в ряде случаев явно имеющие персидскую фонетику²¹. И это понятно: эламиты заимствовали иранские слова из персидского диалекта, иранская же версия надписей продолжала мидийскую языковую традицию. Конечно, нет сомнения, что во всякий текст, пишущийся на определенном, получившем литературное оформление языке, неизбежно в большей или меньшей степени всегда проникают элементы родного диалекта пишущего, в зависимости от места, времени и местных школьных традиций. Так, все ассирийские царские надписи, хотя их составители и пытались придерживаться литературного "младовавилонского" языка, полны ассирийских диалектизмов, а в некоторых (например, в надписях Ашшурнацирапа-ла II, Салманасара III) можно видеть постоянное вытеснение вавилонских форм ассирийскими (особенно во флексии) и даже встретить целые пассажи на довольно чистом ассирийском диалекте.

К сожалению, нынешняя археологическая ситуация в Северо-Восточном Иране не позволяет надеяться на находку подлинных мидийских надписей еще при моей жизни. Крошечный фрагмент камня с клинописным знаком из Тепе Нуш-и Джан доказывает, правда, что мидяне несомненно пользовались для официальных надписей каким-то видом клинописи, но для подтверждения моей теории нужно ждать будущих находок.

Также и появление арамейской канцелярии в Иране нужно отнести к мидийскому времени. Она безусловно существовала в ассирийских городах, отошедших к Мидии; и в ней была несомненная потребность в новой державе. Мидийские цари неизбежно должны были пользоваться услугами арамейских писцов — иранская новая письменность еще не успела внедриться (и так и не внедрилась в последующие столетия). Что касается царей персидских, то для них столь же естественно было пользоваться услугами местных эламских писцов, что и имело место на самом деле.

Древнейшие известные нам памятники арамейской канцелярии на ираноязычной территории — это надписи на культовых ступках из Арахосии V в. до н.э., найденные в Пер-

²¹ Дьяконов И.М. История Мидии, с.368 и сл.

сеполе²², но текст их очень специфичен, и нам приходится базироваться прежде всего на хозяйственных документах I-II вв. до н.э. из Нисы. Если проводить аналогии с древнейшей клинообразной письменностью (с чего и начиналась эта статья), то здесь уместна аналогия уже не с первичными шумеро-аккадскими канцелярскими III тыс. до н.э., а с "э-дубой" XX-XVIII вв. до н.э., где языком преподавания был еще шумерский, но писцы были аккадоязычными, активно шумерского языка, как правило, не знали и писали по-аккадски с гетерографическими вставками. В Нисе, если принять во внимание их имена, все писцы были иранцы и, судя по текстам, активно арамейского языка не знали²³ и пользовались арамейскими канцелярскими формулами гетерографически. Это доказывается: 1) чередующимися написаниями одного и того же слова в гетерографической и в иранской орфографии: РНТ' || hštrp "сатрап"; 2) регулярными фонетическими написаниями для словосложений, в которых порядок составляющих слов по-ирански обратный тому, который требовался бы по-арамейски, поэтому /gaz/ "виноградник" пишется по-арамейски KRM', но /gazkar/ "виноградарь" — по-ирански rzkr (единичное написание словосложения "племянник, братний сын" как 'NYBRY по-арамейски вопиющим образом противоречит правилам арамейской грамматики и арамейского словообразования); 3) наличием, правда редких, фонетических комплементов. Однако в школе парфянские будущие писцы учили помимо арамейской азбуки главным образом (если не исключительно) арамейские канцелярские формулы, что явствует из подлинных школьных остраков, найденных в Нисе²⁴.

Когда писец знал официальную традиционную арамейскую формулу, он ее и писал, а это означает, что в повседневной хозяйственной практике он писал по-арамейски едва ли не в 99 случаях из 100; когда писцу не хватало познаний в арамейском языке или он забывал формулу, или документ требовал текста, не предусмотренного в школьной программе, он писал дальше на родном языке теми же арамейскими буквами. Весьма возможно, что при этом писцы продолжали себя считать "арамейскими писцами", как вавилонские писцы XVIII в. до н.э. считали себя "шумерскими писцами", хотя первые сплошь носили парфянские имена, а вторые — аккадские, и большинство текстов, хотя и не все, прочитывались на родном языке писца.

²² Лившиц В.А., Шифман И.Ш. К толкованию новых арамейских надписей Амоки, с.21 и сл., примеч.77; Дандамаев М.А. Новые данные о религии в Персии. — ВДИ. 1974, 2, с.23; Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970.

²³ Так, они не различали арамейскую фонему /t/ от /tt/.

²⁴ Пока опубликован только один: Лившиц В.А., Дьяконов И.М. Документы из Нисы I в. до н.э., с.93, № 902.

Практика арамейских канцелярий, где стандартные тексты писались по-арамейски, а прочитывались для вышестоящих чиновников на их родном языке, была принята из Мидии (и, вероятно, Вавилонии) Киром II и Дарием I и, хотя не сразу, была распространена на всю империю, причем молодые иранцы обучались арамейскому языку и письму (а после IV в. в Иране не так-то легко было найти грамотных прирожденных арамеев). Собственно иранская клинопись ни при мидянах, ни при Ахеменидах не имела большого практического значения, так как высшие чиновники не утруждали себя изучением грамоты, а писцы-арамеи и так умели пересказать любой документ по-ирански. Уже в V в. (в письмах сатрапа Аршама) наблюдаются случаи, когда писцу не хватало арамейских слов и он вписывал отдельные слова и даже обороты по-ирански в арамейский текст²⁵. В какой момент арамейский текст с иранскими вставками превратился в иранский текст с арамейскими гетерограммами — вопрос, на который, вероятно, и сами иранские писцы вряд ли сумели бы ответить.

Следует, однако, подчеркнуть, что всякий, кто умеет читать клинопись, знает, что гетерограммы часто облегчают, а не затрудняют чтение малознакомого текста.

Однако прежде чем арамейская канцелярия распространилась на всю Ахеменидскую державу, в самой Персиде сложилась особая ситуация. Здесь задолго до Кира II существовала эламская канцелярия²⁶ и, надо полагать, тоже выработалась система излагать содержание документов для высших чиновников по-ирански, и тоже с привлечением в число писцов не только эламитов, но и прирожденных персов. Мне кажется, тем не менее, что положение здесь было несколько иным, чем в случае арамейских канцелярий Ирана. Конечно, весьма вероятно, что эламские административно-хозяйственные тексты читались или излагались высшим чиновникам по-ирански. Но шумеры и аккадцы, с одной стороны, и арамеи и иранцы — с другой, пользовались общей письменностью — клинописью в первом случае и арамейским письмом во втором, и в тех случаях, когда не надо было излагать содержание текста для потребителя, оно без изменений применялось для текстов на первоначальном языке, не предназначенном для перевода. Иранское же письмо ахеменидского времени коренным образом отличалось от эламской клинописи, и писцы не могли с легкостью переходить с одного языка на другой в пределах одной и той же письменности. Поэтому не могло сложиться того неопределенно-

²⁵ Driver G.R. *Aramaic Documents of the Vith Century B.C.* Oxf., 1954; 2-nd ed. Oxf., 1957, № X: ... zy 'd mmdt bgy' zy Wrwhy 'sprn whd 'bgw yhpq wyhyth, и т.п.

²⁶ См., например: Carter E., Stolper M. *Middle Elamite Malyan.* — Expedition. 18, 2 (1976), с.33 и сл.

го положения, когда писец мог рассматривать написанное им как предназначенное для изложения на любом из двух языков; тем самым не было необходимого посредствующего звена к письменности, использующей гетерограммы.

Конечно, эламские писцы могли тоже на самом деле быть ираноязычными — вероятно, и были; несомненно, что при написании эламского текста они широко пользовались кальками с иранского, и возможно, что они могли преднамеренно создавать определенные формулы-эквиваленты для недвусмысленной передачи стандартного административного эламского текста на родной иранский язык вышестоящего чиновника. Но мне не кажется, что в этих условиях они могли дойти до мысли, что они пишут вообще не по-эламски, а некоей иранской тайнописью, т.е. на иранском языке, лишь "аллоплеттографически" замаскированном под эламский. Синтаксис ахеменидских эламских текстов все же в основном эламский, а гетерографичность текста выдает прежде всего синтаксис.

Заметим, что Г.Г.Шедер²⁷ впервые выдвинул свою теорию о происхождении арамейской гетерографии (теорию, впоследствии принятую всеми) на основании текста Эзра 4:18, где сказано: "письмо... было истолковано нам (mrgš)".

Глагол mrgš означает "толковать" в смысле "объяснять, излагать, перелагать", а не "переводить" ("переведен" было бы *mtrgm). Действительно, в развитии иранской гетерографической письменности были вполне определенные последовательные стадии: 1) текст писался двуязычным писцом (либо арамеом, либо иранцем) по-арамейски и излагался (истолковывался) для высших чиновников по-ирански; 2) для известных стандартных, стабильно повторяющихся арамейских формул были выработаны столь же стандартные устные эквиваленты для изложения по-ирански; 3) когда писцы (к этому времени в основном ираноязычные) привыкли перелагать всё выраженное в стандартных формулах арамейского текста (т.е. 90% всех административных текстов) через заранее известные стандартные устные иранские переводные формулы, была достигнута стадия, когда любой подобный (т.е. именно стандартный) текст можно было прочесть либо по-арамейски, либо по-ирански. Речь при этом шла не о буквальном подстрочнике, а об эквивалентности формул в целом. На этой стадии, естественно, стало возможно всюду, где писец не знал арамейской формулы или нужное выражение так или иначе выходило за пределы его арамейских познаний, вставлять отдельные слова и целые выражения, написанные прямо по-ирански тем же самым арамейским письмом, как и весь основной текст; и последней стадией

²⁷ *Schaeder H.H. Iranische Beiträge. I. — Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswiss. Klasse. 6. Jahrg., N. 5, 1930, с.293 и сл.*

явилось 4) собственно иранское гетерографическое письмо, предполагавшее первоначально только чтение и всего текста (арамейского с иранскими включениями) по-ирански, а в конце концов — и написание всего текста по-ирански, причем иранские написания перемежались с арамейскими обозначениями наиболее ходовых слов и выражений. Сетка легко узнаваемых арамейских логограмм давала с ходу представление об общем содержании текста и облегчала правильное чтение негетерографических частей неогласованного текста, которые, как правило, читать труднее.

Эламские писцы (даже ираноязычные в быту) не могли в этом процессе зайти дальше стадии (2), потому что они не имели возможности вставлять чисто иранские пассажи в эламский письменный текст, поскольку для этого эламское письмо, совершенно отличное от применявшегося для иранского, не было приспособлено. Как известно, эламские транскрипции иранизмов (которых так много в позднеэламских текстах) предполагают очень сложную систему графических соответствий, настолько неоднозначную, что и сейчас высококвалифицированные иранисты очень часто дают совершенно несходное прочтение эламских написаний, примененных к иранским словам и именам собственным. Поэтому, если арамейская писцовая традиция могла после ряда почти незаметных переходов быть продолжена иранской гетерографической писцовой традицией, даже когда писцы уже совсем не знали арамейского языка как такового, то эламская канцелярия, работавшая на иранских ахеменидских чиновников, могла существовать, только пока сменяли писцы, способные составить любой текст по-эламски, — допустим, на ломаном эламском; на эламском, ирански окрашенном (из-за двуязычия писцов); но все-таки именно по-эламски. Я не думаю, чтобы эламские писцы могли когда-либо справиться с составлением большого нестандартного текста, "собирая" его (как из деталей "конструктора") исключительно из калек с иранского. Это показывает, например, параграф 70 Бисутунской надписи, текст которого в эламской и иранской версиях довольно существенно отличается. По мнению И. Гершевича, это объясняется тем, что Дарий — лично — диктовал Бисутунский текст дважды, — по той причине, что в одном случае надо было сообщить, что текст был переведен также на иранский язык, а в другом только констатировать, что этот текст написан именно по-ирански²⁸. Такое объяснение не кажется мне вероятным. Во-первых, Дарий и так не мог держать в голове весь огромный Бисутунский текст; диктуя его, он бы неизбежно сбивался, получались бы повторения и несогласова-

²⁸ *Gershevich I. Diakonoff on Writing, with an Appendix by Darius. — Societies and Languages of the Ancient Near East. Warminster, 1982, с. 108, n. 16.*

ния в тексте. Несомненно, что текст был первоначально подготовлен в письменном виде и прочтен Дарию, и он его лишь утверждал и в лучшем случае вносил в него уточнения; если кто его и диктовал, то, конечно, не сам Дарий, а какие-либо его "референты". Во-вторых, не было смысла дважды диктовать почти одинаковый текст; достаточно было сказать, что в такой-то версии такой-то момент надо сформулировать несколько иначе, а именно так-то.

Что же, собственно, сказано в §70 Бисутунской надписи? Я уже один раз предлагал свой перевод эламской (единственно полностью сохранившейся) версии²⁹. Теперь, учтя появившиеся новые переводы В.Хинца и И.Гершевича, я сформулировал бы свой перевод так:

"С помощью Оромазда я приказал сделать (букв. сделал) текст (этот) по-другому (ta'e ikkə) — (еще и) по-арийски. Такого (текста!) ранее не бывало; я велел его сделать и на (глиняных) плитках и на коже, и строчками и ерри (цельми предложениями?). И он был написан и предо мною был прочтен. Затем этот самый текст я послал во все области, люди учили (переписывали?) его".

Мне кажется, что послелог *ikkə* не может относиться к глаголу *hutta*, — бесспорные примеры таких насилий над эламской грамматикой в Бисутунской надписи найти все же трудно. На плитках и на коже, несомненно, писался не один какой-то текст, а вообще его версии на различных языках, на которые он был переведен (одни на плитках, другие на коже). При этом я думаю, что Дарий подчеркивает не столько то, что текст был написан и по-ирански, сколько то, что "такого ранее не бывало", имея в виду его действительно уникальные объем и композицию. Не было бы особого смысла посылать по областям либо именно эламский, либо иранский текст; иранский текст, допустим, могли еще понять в Восточном Иране (если там знали "мидийскую" письменность), но по-эламски не умели читать нигде, кроме Элама и Персиды. Арамейские же писцы были к этому времени уже и на востоке Ирана, ср. тексты на ступках из Арахосии, изданные Боуманом.

Вслед за Трюмпельманном, Лушем и В.Хинцем Р.Боргер³⁰ ясно доказал, что "арийская" (т.е., как мы думаем, ми-

²⁹ *Diakonoff I.M.* On the Interpretation of §70 of the Bisutun Inscription (Elamite Version). — *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. XVII, 1-2, с.105 и сл.

³⁰ См.: *Hinz W.* Die Behistan-Inschrift des Darius in ihrer ursprünglicher Fassung. — AMI NF 7, 1974, с.121 и сл. Работы М.Майрхофера (*Mayrhofer M.* Überlegungen zur Entstehung der altpersischen Keilschrift. — BSOAS XLII, 2 (1979), с.290 и сл.) я не могу принять, так как она базируется на устарелой грамматологической методологии, исходящей только из внешних форм письма, игнорируя его внутреннюю форму. Ср.: *Гельб И.Е.* Опыт изучения письма (Основы грамматики).

дийская) версия Бисутунской надписи была сделана позже первоначальной – чисто эламской, как бы *as an afterthought*, употребляя английское выражение. На это и указано в эламском тексте позднейшего §70. Но, с моей точки зрения, это означает не то, что "арийское" письмо было изобретено Дарием I или хотя бы его писцами, а лишь то, что он не сразу решил включить в свой памятник версию, написанную письмом мидян (которые, правда, были основателями империи, но в данный момент все-таки были главными мятежниками)³¹.

Я думаю, что именно ограниченные возможности эламской канцелярии по сравнению с арамейской с точки зрения обслуживания нужд иранского государства и привели к ее закрытию в V в. до н.э.

³¹ Конечно, и Элам (Nūja) восставал против Дария I, но дело в том, что эламская письменность воспринималась как официальная письменность Персиды. Что касается вавилонской версии Бисутунской надписи, то это тоже был *afterthought*.